

ОТЗЫВ

о диссертации Квасова Олега Николаевича «Терроризм в российском революционном движении (вторая половина XIX – начало XX вв.), представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Терроризм в российском революционном движении представлял собой такое масштабное явление, протяженное во времени и с эффектом огромного воздействия на реалии страны второй половины XIX – начала XX вв. и далеко за пределами этого периода, и не только в России, что задача его изучения будет актуальной еще долго, несмотря на то, что процесс осмысления, познания феномена идет более столетия. Появление новых данных, применение новых методологий, потребность в переосмыслении устаревших выводов, формирование принципиально новых условий для исследовательского процесса, присутствие в мире устойчивых террористических проявлений – все это также настоятельно требует внимательнейшим образом изучать российский терроризм в период его пикового развития. Выбор соискателем - Олегом Николаевичем Квасовым - в качестве темы диссертационного исследования терроризма в российском революционном движении второй половины XIX – начала XX вв. безусловно оправдан. Особенностью исследования является то, что к проблеме **актуальности** автор возвращается неоднократно по ходу работы, отталкиваясь от конкретных характеристик явления, и это представляется оправданным и более естественным, а в итоге и более продуктивным подходом, нежели перечисление доводов в пользу актуальности во введение и дальнейшее забвение этой позиции. Прежде всего, речь идет о наличии в современном мире разнообразных форм терроризма, борьба с которым подразумевает и его изучение в историческом плане, поскольку «терроризм трансформируется в разнообразные формы» (с.15-16). Возвращается автор к этой проблеме, например, при

анализе историографии (с. 45), в ходе рассмотрения тактики революционеров (с. 221). Имеют значение и другие моменты. В частности, автор пишет о «видовой изменчивости, сложной структурной организации» терроризма, «склонности расширять масштабы и формы насилия, что обуславливает рост взаимного насилия («кровавая воронка») (с. 11). Все это присутствует и сегодня.

Диссертант, определяя **объект исследования**, неизбежно сталкивается с проблемой терминологии и определения феномена. В итоге предлагается двухступенчатая конструкция: во-первых, «терроризм как способ социально-политической борьбы, включающий в себя систематическую эскалацию насилия на микроуровне с целью решить макропроблему», а во-вторых, «терроризм означает некую негосударственную, революционную или другую, но оппозиционную деятельность и, как следствие, намного меньших масштабов, но более избирательную и конкретную» (с.6). Такую логику и такое содержание понятия следует признать удачными, что облегчает **достижение цели и решение задач** исследования, которые в целом представляются системными и всеохватными. Это достигается выделением задач двух уровней: исходящие из понимания терроризма «как особой формы политической и общественной борьбы» и «функционирование террористических структур» и исходящие из закономерностей террористической деятельности (с. 12). Привлекает внимание возможной высокой продуктивностью разработки формулировка последней задачи – «определить функциональную зависимость террористической деятельности от характера государственной власти и действий правоохранительных органов, социальной среды и других факторов конкретно-исторической обстановки» (с.13).

Заявленная диссертантом **научная новизна**, подтвержденная ходом всей работы, охватывает ее базовые моменты: новая типология и классификация террористических проявлений, концепция эволюции революционного терроризма, расширенный круг источников, вся логическая цепочка про-

блем, связанных с практической деятельностью, уточнены роль и причины экстремистской деятельности. Ценным представляется вывод о «двойственной природе (политико-идеологическая и социальная) происхождения российского революционного терроризма, что проявилось в симбиозе форм партийно-революционного и традиционалистского экстремизма» (с.13).

Структура работы представляется логичной и сбалансированной. Охвачены и выстроены в логический порядок практически все базовые составляющие темы.

Подробно и убедительно во введении представлены и другие квалификационные позиции: **предмет исследования, научно-практическая значимость, методология**, своей основой имеющая «историко-системный (синергетический) подход» и деятельностный (с. 17-18).

Анализ историографии, огромной по объему, справедливо вынесен в отдельную - **первую - главу «Историография и источниковедение российского революционного терроризма»**, и это позволило не ограничиваться разбором общих принципиальных оценок, но и затрагивать нюансы, детали, частности.

Соискатель по ходу характеризует и сам историографический процесс и обстоятельства, повлиявшие на него: «С началом революционных потрясений нового века количество работ затрагивающих террористическую тематику значительно увеличилось, а в числе авторов появились публицисты и общественно-политические деятели. Большинство работ этого периода будут носить политико-идеологический или публицистический характер. В некоторых из них, авторами предприняты попытки анализа различных аспектов терроризма, кроме того, продолжает активно формироваться разнообразный статистический массив данных о революционном терроре» (с.25). Соискатель находит правильный подход для введения в историографический анализ характеристик Ленина, на которых ранее идеологически базировались исследования советских историков, а сейчас требуется не отбрасывать их в сторону,

поскольку он был и партийным лидером, чья партия использовала террористическую борьбу, и аналитиком этой борьбы, и критиком своих противников, прежде всего эсеров. Вслед за «Г.В. Плехановым и В.Н. Засулич, конкретизировал «ошибки» «террора старого типа» В.И. Ленин, отметивший, что «... террор был мстью отдельным лицам. Террор был заговором интеллигентских групп. Террор был совершенно не связан ни с каким настроением масс. Террор не подготовлял никаких боевых руководителей масс. Террор был результатом – а также симптомом и спутником – неверия в восстание, отсутствия условий для восстания»» (с. 28). Такая концентрированная подача базовых позиций заметной политической фигуры представляется эффективной.

О.Н. Квасов отмечает наиболее продуктивных исследователей каждого историографического периода, например А.И. Спиридовича в дооктябрьскую эпоху (с.31), выявляет фундаментальные причины слабого изучения революционного терроризма, в частности, в советское время (с.32) необходимость следовать ленинским оценкам, что сковывало творческий процесс. Как положительный момент, можно оценить отсутствие противопоставления зарубежной историографии и отечественной (с. 46). Квасов справедливо пишет об «игнорировании принципов историзма и объективности» в значительном количестве работ, о чрезмерно произвольном интерпретировании «многих эпизодов прошлого», о неубедительных допущениях (с. 61).

Фиксируя наличие «нескольких историографических концепций трактовки терроризма»: охранительной, либеральной, революционной, историко-культурологической, эволюционной, соискатель выходит за привычные рамки перечня подходов. Более того, он отмечает появление в последнее время «охранительно-либеральной концепции», которая перекладывает ответственность за насилие на революционное меньшинство (с.66).

Анализ историографии темы, осуществленный диссертантом, позволяет утверждать, что он основательно владеет исследовательской литературой,

аргументировано выделяет положительные и отрицательные стороны процесса изучения терроризма, что позволяет пользоваться устойчивыми наработками в собственной работе.

Анализ **источниковой базы** (с. 63-82). диссертации убеждает в том, что автор располагает необходимым объемом разнообразных источников для осуществления исследования и хорошо в них ориентируется. Приводятся материалы из 11 архивов. Отслежен процесс формирования различных видов отчетности правоохранительных органов, судебных документов. Выявлены противоречия между некоторыми источниками.

При анализе конкретных проблем диссертант приводит достаточный объем аргументов в пользу заявленного тезиса. Так, например, рассматривая во **второй главе «Социальные причины распространения экстремистских и террористических тенденций в России на рубеже XIX-XXвв.»** ситуацию начала двадцатого века, автор пишет, что «экстремизмом стала изобиловать в начале XX в. борьба пролетарских слоев населения, чего до сих пор совсем не наблюдалось» (с. 85) и приводит около десяти примеров в подтверждение. После примеров с проявлениями экстремизма в крестьянской среде следует принципиальный вывод: «Данные примеры показывают, что высокий уровень экстремизма, демонстрируемый крестьянскими и пролетарскими слоями, имел не политическую, а социально-экономическую природу» (с. 87). О возможном перерастании в политическую сферу автор, отталкиваясь от исторических примеров, пишет следующее: «Нередко стихийные, аполитичные формы разбойных протестов, количественно увеличиваясь, приобретали политическую актуальность и становились важными факторами политического процесса» (с.88). Позднее констатирует, что политический терроризм революционеров в аграрной сфере и стихийный экстремизм крестьянства не слились: «эти две агрессивные волны совместились, однако говорить об их слиянии не приходится» (с.96).

Терроризм может быть понят лишь в пересечении многих явлений и характеристик своего времени. Как следствие этой потребности, диссертант обращается к состоянию государственной власти, силовых органов, эволюции социальных категорий, настроениям либеральной оппозиции, терпимости относящейся к терроризму (с.101-107).

После изложения больших объемов фактической информации и промежуточных выводов диссертант переходит к обобщениям: «Стремительный рост террористической агрессии в Российской империи начала XX в. носил своеобразный характер, что дает основание некоторым исследователям говорить даже о его уникальности в мировом масштабе. Рассуждая о причине этого, необходимо учитывать, что общего посыла к социально-экономическому укладу империи недостаточно. Террористические тенденции социально-политической борьбы не имеют прямой корреляции ни с политическим строем, ни с экономическим укладом государства. Какой бы ни была кризисной обстановка в обществе и государстве, на террористические проявления влияет целый комплекс факторов, актуализация которых имеет динамический характер» (с. 89). Уровень требований к докторской диссертации предполагает именно такие обобщения, которые в сумме составляют авторскую концепцию, которая, с другой стороны, зиждется и на принципиальных оценках определенных сфер. Например, следующие: «Наиболее важное для нашего исследования девиантное проявление модернизационного скачка России касается роста общеуголовной преступности, так как это насильственное проявление «ненормальности» напрямую коррелирует с ростом политического экстремизма». Или: «Российская действительность второй половины XIX – начала XX вв. представляла собой сложный конгломерат именно таких факторов провоцирующих экстремизм разного характера и глубины. Исторический анализ позволяет сделать достаточно категоричный вывод о том, что в основе всплеска российского революционного экстремизма имелись выраженные социальные факторы, такие как, высокий уровень

социальной напряженности, сложившийся жестокий характер структурного (государственного) и антисистемного (революционного) политического насилия, кризис традиционных механизмов социального контроля отклоняющегося поведения» (с.109).

Исследуя мотивационную сферу терроризма («обширное мотивационное разнообразие»), соискатель делает много интересных и обоснованных замечаний, формулирует соображения, которые в сумме представляются системным охватом этой проблемы. Квасов отрицает утверждение о том, что террористы являются больными людьми (с. 111), терроризм «является «рассудочной», специализированной формой борьбы, в которой аффективные, импульсивные поступки всемерно отвергаются» (с. 115). При этом «тонкости партийных положений и различий политических платформ» не имели значения для рядовых исполнителей», решающее значение имела социальная обстановка (с. 116-117). Поверхностной же причиной» политического радикализма революционных террористов стала деформация ценностных ориентиров» (с. 119), сопровождающаяся, однако, самопожертвованием (с. 124). Главная цель – приблизить преобразования, «причем, преобразования в ускоренной, форсированной форме» (с. 126). Месть, приключенческий интерес, легкомыслие, потребность в самореализации – все это тоже присутствовало, но подчинено было главной цели (с. 127). На практике это приводило к формированию к или значительной автономии и даже изоляции террористических групп (с. 130).

Положительные характеристики исследования, проявившиеся во второй главе, присутствуют и последующих главах, в том числе и в **третьей главе посвященной стратегии революционного терроризма**. Рассматривая события «первой террористической кампании» 1860-1880-х гг. диссертант видит начало кампании в «нескольких печатных работах 50-х – начала 60-х гг. (с. 133). Думается, здесь требуется уточнение. Хронологически тема заявлена с середины XIX века. Фактически исследование ведется от Каракозова ,

то есть от 1866 года, хотя террористические проявления - теоретические - действительно были и раньше («Письмо из провинции» от 1860 г., Заичневский с «Молодой Россией» в 1861 году) (с. 137). Последний вскользь упоминается в историографическом разделе: Богучарский «отмечал преемственность и взаимосвязь революционного «якобинства» прокламации П.Г. Заичневского «Молодая Россия» и методов «заговора и террора», применяемых «Народной волей»» (с. 25). Но эти методы «заговора и террора» просматривались и в теоретических установках некоторых предшественников Заичневского. Соискатель цитирует работу оппонента по другому поводу, но в ней же (с. 42) содержатся данные о планах некоторых петрашевцев в 1849 г. «убить царя, царскую фамилию и всех министров», на стр. 112 сведения о планах цареубийства харьковскими заговорщиками в 1856-1857 гг. Примечательно, что реформаторские планы власти, свели эту тенденцию на нет к концу 1857 г., что, кстати, подтверждает финальный вывод соискателя о том, что необходимо «склонение политической оппозиции к совместной деятельности с властью и отторжение ее от крайних экстремистских взглядов и идей» (с. 463).

В заключение второй главы автор пишет о том, что «революционный терроризм был акцентирован против правящего режима, имел заговорщическую и ситуационную (регулятивную) тактико-стратегическую обусловленность (с.110). Тезис о «заговорщической направленности» перекликается с процитированной выше мыслью Ленина (с. 28) о том, что «террор был заговором интеллигентских групп». Эти характеристики могут быть скоррелированы с выводом о присутствии в российском освободительном движении трех видов заговора: 1. широкого народного (в варианте Бакунина – международного) для руководства народом в революции и без претензий на власть после победы; 2. классический или бланкистский для захвата власти революционной организацией и руководства посредством диктатуры постреволюционными преобразованиями. Ведущий идеолог П.Н. Ткачев; 3. террори-

стический вариант заговора для инициирования революции через цареубийство или серию терактов. По терминологии Н. Морозова, это была бы «террористическая революция». В чистом виде ни один из названных вариантов не заявлялся, присутствовал лишь общий контур. (См.: Исаков В.А. Концепция заговора в радикальной социалистической оппозиции. Вторая половина 1840-х – первая половина 1880-х гг., М., 2004. С. 303-304.) Диссертант справедливо пишет, что «народовольческая охота на царя» являлась первоначальной и важнейшей частью бланкистской тактики установления социалистического строя в России в ее народовольческом варианте» (с. 176-177). То есть речь идет о совмещении двух типов заговора, о перетекании одного в другой. К подобному видению ситуации подбирались и участники событий, определяя свои намерения на покушение, как «план заговора» (с. 291).

Можно согласиться с выводами автора о том, что процесс зарождения и формирования террористической тенденции в этот период был единым и взаимосвязанным. И это был, по мнению Квасова, «по всей видимости, единственный возможный ход развития революционного движения», хотя даже в революционном лагере не было единства взглядов на проблему террористической борьбы понимаемой к тому же часто по-разному. Власть находилась в состоянии кризиса, карательная политика была неадекватной, «чрезмерно репрессивной и мнительно жестокой». Даже поражение народовольцев не оттолкнуло последующих революционеров от тяготения к насильственным формам борьбы (с. 176-177).

Анализ идеологического обоснования второй террористической кампании (1901-1911 гг.) позволил диссертанту сделать обоснованные и интересные выводы. Опыт 1860 - 1880 гг. осмысливался последователями очень интенсивно. Отмечается, что и появившиеся новые оппозиционные силы – социал-демократы – взяли на вооружение насильственные методы, в том числе и террор, хотя и со множеством оговорок (с.180). В итоге неизбежной ста-

новилась партийная конкуренция с «манипулированием дефинициями» (с. 183).

Серьезное внимание уделено терроризму анархистов, максималистов. Эволюцию явления была непростой: с личной ответственности жертвы внимание было переключено на должностную (с. 187). Терроризм стал выполнять педагогические функции, агитационно-пропагандистские, мобилизационные, информационные (с. 191-197). В итоге появилась, иллюзорные надежды на финальную эффективность терактов, наметилось формирование боевых дружин (с.200).

В четвертой главе, посвященной тактике революционно-террористических кампаний, также присутствуют два периода: 1860-1880-х гг. и 1902-1911 гг. Приводится большой фактический материал. Даются обоснованные оценки принципиальным моментам. Народовольческое видение «текущего политического процесса» признается нереалистичным (с. 215). Автор останавливается на историческом парадоксе и объясняет его: царский манифест 1905 года подтолкнул выплеск протестной энергии и стал для революционеров признаком слабости власти, а не поводом для пересмотра тактики (с. 234). Даже созыв Первой Государственной Думы не привел к остановке эсеровского террора (с. 239). Следует и вывод вслед: «В условиях массовых боевых действий террористические акции перестают быть орудием одиночек и становятся одним из видов военных операций» (с. 236). Думается, для такого вывода есть основания. Расчет революционеров терактами поднять массовое движение оказывается ошибочным после роспуска Первой Думы (с. 241-242, 285). Продолжающаяся террористическая деятельность имела своим следствием усиление самостоятельности боевых групп, их отказ подчиняться центральным органам, переход к другим партиям, и усиление правительственного террора (с. 272-279).

Постоянная связь исследования с последующими событиями отечественной истории с неожиданной стороны проявляется в **пятой главе «Струк-**

турно-функциональный анализ революционного терроризма». Автор делает вывод о том, что уставные документы боевиков не получили известность в истории по причине боязни власти дать оппозиционерам пример для подражания. А без соответствующих документов продуктивное исследование феномена вряд ли было возможно (с. 296-297). Другая справедливо намеченная связь с современностью это вывод о структурном сходстве боевых дружин начала XX века в России с «Хезболлой», «Аль-Каидой», «Талибаном» (с. 326). Оформление структуры и определение функций, по мысли автора было процессом поиска, упорядочения отношений партийных верхов и боевых дружин, что проходило с большими трудностями (с. 341).

В заключительную **шестую главу «Внутренние механизмы террористических организаций»** вошли сюжеты, связанные с кадрами, информацией и разведкой, охраной, конспирацией, материальной стороной деятельности и основными формами насильственных проявлений. В условиях, когда многое уже сказано другими исследователями, приобретает значение нюансировка оценок, способность как можно точнее передать или охарактеризовать явление. Так, касаясь качества личного состава, автор приходит к выводу о том, что «если профессиональные навыки имели обыкновение повышаться со временем и опытом, то моральный облик террористов по ходу революции стремительно деградировал» (с. 346). Вовлеченность в борьбу молодых новичков приводила к «упрощенным представлением о социальном мире, подчас инфантильно понимаемом Зле и Добре» а «с ростом терактов, увеличением числа случайных жертв и уменьшением избирательности террористов, моральная жертвенность террора сходила на нет, количественно уменьшая при этом и идеологически верных своих сторонников» (с. 347), «Террорист создавал при помощи руководителя свой иллюзорный мир, в котором играл выбранную роль. Этот мир фантазии и игры при контакте с реальностью зачастую достаточно быстро сменялся глубокими разочарованиями, превращался в цинизм или суицид» (с. 348). Думается, именно такие

нюансированные оценки и требуются для объективного познания. И примеров таких подходов в работе в целом и в последней главе в частности содержится достаточно. Некоторые выводы ставят под сомнение устоявшиеся подходы. Квасов пишет, что «можно согласиться с утверждением о маргинальном качестве российских промышленных рабочих, что во многом дает объяснение его склонности к экстремистским агрессивным формам разрешения социальной напряженности» (с. 356). Видимо, надо иметь в виду, что промышленный пролетариат был неоднородным на тот момент.

Круг вопросов, рассматриваемых в рамках проблематики главы, охватывает все узловые позиции: численный и качественный состав, возраст, происхождение, гендерная ситуация, обучение, оснащение, специализация боевиков, провокаторство, партийное сотрудничество, экспроприаторство, фактор личных отношений. Автор очень подробно повествует об информационном обеспечении терактов и делает вывод о серьезном внимании революционеров к этой сфере (с. 426-442), то есть фактически речь идет о PR-сопровождении деятельности и активном информационном противостоянии с властью, что можно назвать информационной войной за общественное мнение.

Одним из заметных и принципиальных выводов относительно форм борьбы стал следующий: «Попытки потворствования со стороны революционных комитетов этим традиционным действиям крестьянских протестов (поддержка разгромов, провоцирование аграрного террора максималистами и некоторыми уездными комитетами ПСР) не стали основанием для крепкого политического союза, — крестьянство отказывалось принимать участие в политической борьбе за власть» (с. 449). Позиция крестьянства фактически поставила крест на террористической борьбе за власть. Автор отмечает: «Волна криминальных псевдореволюционных экспроприаций охватила империю» (с. 454).

В заключении содержится необходимая совокупность авторских оценок, подтвержденных всем ходом исследования.

Приложения к диссертационному исследованию (таблицы, диаграммы) естественно дополняют работу, помогают ориентироваться в материале и дают дополнительную информацию.

К бесспорным плюсам работы следует отнести:

Следование принципу историзма. Все события вписаны в контекст эпохи и рассматриваются во взаимосвязи со множеством характеристик, процессов, явлений своего времени. В частности, отработана увязка с модернизационными процессами.

Достаточная аргументированность заявленных позиций. Диссертант пользуется всем массивом имеющихся в его распоряжении источников.

Владение исследовательской литературой. Использование доказанных выводов и наработок. Привлечение исследований из других областей: политологии, социологии, психологии.

Новаторство значительной части авторских выводов. Более нюансированный, чем прежде подход ко многим проявлениям революционного терроризма.

Следование системному подходу, проявившееся в сопряжении всех элементов исследования, в охвате практически всех проявлений и проблем, связанных с терроризмом.

Системная постановка новых проблем, например, об информационном обеспечении террористической деятельности.

Введение удачных и продуктивных выражений и понятий или употребление редкоиспользуемых (террорология). Например, «своеобразная институализация конфликтности» (с. 125), «противостояние революционной субкультуры имперским, властным стереотипам» (с. 126), «манипулирование дефинициями» (с. 181), «доктринальный вид террориста» (с. 187), «педагогические смыслы террора» (с. 191), «крайними полюсами террористического

кадрового состава были «святые» и «мерзавцы, но свои» (с. 371), экспроприации «несли в себе вирус самодеятельности, распада и уголовщины» (с. 406).

Вместе с тем надо сказать, что, как и любое творческое исследование, работа О.Н. Квасова не лишена недостатков и спорных мест.

1. О хронологических рамках и соблюдении эти рамок.

Вторая глава называется «Социальные причины распространения экстремистских и террористических тенденций в России **на рубеже XIX-XX вв.**» (выделено мной В.И.). Тема в целом заявлена в рамках середины XIX – начала XX вв. Иными словами, события второй половины XIX века не должны рассматриваться в этой главе. Но затем следует первый параграф главы «Идеологическое обоснование первой террористической кампании **(60-е – 80-е гг. XIX в.)**». Получается, что теряются 10 лет из второй половины века, а, во-вторых, параграф находится за пределами заявленной хронологии для главы. Первая террористическая кампания датируется 1876-1881-е гг. (с. 4), но это уже, чем сформулировано в названии параграфа. К тому же за пределами этого отрезка были события, относящиеся к теме, хотя и очерченные пунктирно. Если вторая глава строится на рубеже веков, то тогда откуда это: «Анализируя исторические примеры крестьянской борьбы, многочисленные протесты **после отмены крепостного права** (выделено мной В.И.) и встраивая выводы в концепцию общинного социализма, народничество было убеждено в бунтарской «предрасположенности» российского крестьянства. Провал «хождения в народ», иллюзорность анархистских бунтов и нереализуемость призывов к аграрному террору, привели к корректировке этих взглядов, но не разочарованию в них. В начале XX в. революционные партии, соревнуясь между собой, старались вновь втянуть крестьянство в революционную борьбу» (с.94).

2. Третий параграф шестой главы называется «Материально-хозяйственное обеспечение» (террористической деятельности – И.В.). В нем содержится внутренний раздел об **информационном** обеспечении различных актов насильственного характера. Раздел представляется полностью самостоятельным, не связанным тематически с основной проблематикой параграфа и может быть легко превращен в самостоятельный параграф.

3. Бесспорно мало сказано об эмигрантских исследованиях, всего одна страница (с. 42).

4. Автор активно пользуется исследованиями историографического характера, в частности, неоднократно цитирует А.А. Бакаева. Но в стороне осталась одна из последних работ обобщающего плана: Н.А. Тюкачев, «Отечественная историография революционного народнического движения 1860-1880-х гг.», Брянск. 2010. Тюкачев немало места уделяет дискуссиям, которые разворачивались вокруг судеб терроризма. Например, он напоминает о дискуссии вокруг террора «Народной воли»: Н.А. Троицкий «в своей книге, изданной в 1971 г. в Саратове критиковал тезис Волка о том, что народо-вольцы имели будто бы альтернативу тактике террора». Даже после жесткой партийной проработки, и 10 лет спустя Троицкий обоснованно «снова критиковал С.С. Волка, А.Ф. Смирнова и И.Д. Ковальченко, которые «абстрагируясь от исторической ситуации 1879-1881 гг., умозрительно заключают, что террор вовсе не был обязателен для «Народной воли» (с. 209). Интересно отметить, что О.В. Квасов фактически стоит на позиции Троицкого заявляя: «Российское общество второй половины XIX – начала XX вв. оказалось в глубоком системном кризисе, частное проявление которого выразилось в резком росте революционно-террористической активности» (с. 462). Об альтернативе не говорится ничего. А на странице 176 читаем: «По всей видимости, это (террор – И.В.) был единственный возможный ход развития револю-

ционного движения в тех исторических условиях и при «неспособности российского самодержавия к необходимому самореформированию». Соискатель солидаризировался в этой оценке с мнением В.Н. Гинева от 1999 года.

5. На стр. 163 содержится утверждение о том, что народовольцы отвергли вариант захвата власти. Это не совсем так. Исследователи отмечают, что ведущие деятели «Народной воли» постоянно колебались в этом вопросе, поскольку «к числу неизвестных величин в исуррекции относится настроение народных масс». Программные установки содержали пункт о «передаче власти народу» после победы революции, что предполагало первоначальный захват этой власти организацией, которая обязана «употребить **приобретенную власть и средства** (выделено мной – И.В.) на то, чтобы революционизировать всю Россию – призвать повсюду народ к захвату власти». Иначе говоря, центральную власть на какое-то время захватывают сами революционеры, а на местах народ. Нюанс более чем существенный. (См.: Исаков В.А. Концепция заговора в радикальной социалистической оппозиции. Вторая половина 1840-х – первая половина 1880-х гг., М., 2004. С.271-273).

Перечисленные замечания не меняют общей положительной оценки диссертационного сочинения О.Н. Квасова. Заявленная к защите работа является профессиональным, на высоком научно-теоретическом уровне реализованным исследованием. Публикации автора отражают основные идеи исследования. Автореферат полностью соответствует содержанию диссертации.

Есть все основания утверждать, что диссертация «Терроризм в российском революционном движении (вторая половина XIX – начало XX вв.)» представляет собой квалификационное, завершенное, оригинальное, концептуально новое научное исследование, которое полностью соответствует требованиям п. 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвер-

жденного Постановлением №842 Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г., предъявляемым к докторским диссертациям, а ее автор – Квасов Олег Николаевич – заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Доктор исторических наук (07.00.02 – Отечественная история),

профессор кафедры всеобщей истории

Московского городского педагогического университета - МГПУ

Исаков Владимир Алексеевич

141180, Московская область, Щелковский район, пос. Загорянский, ул. Циолковского. Д. 1.

8-903-138-02 14. Isakov-va@yandex.ru

